

Горюнов Алексей Владимирович

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии
Ульяновского государственного педагогического
университета имени И.Н. Ульянова

БУДУЩЕЕ И ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУКТИВИЗМА [1]

Аннотация:

Статья посвящена проблеме социального конструктивизма в аспекте нашего отношения к будущему. Выделяются проект и прогноз как две различные, хотя и взаимосвязанные формы отношения к будущему субъекта действия, показывается их статус и роль в классическом и постклассическом подходах к историческому развитию, а также разграничиваются две формы социального конструктивизма – «крайняя» и «умеренная».

Ключевые слова:

социальные изменения, социальное действие, предвидение, прогноз, проект, социальный конструктивизм, философия истории.

Goryunov Alexey Vladimirovich

PhD (Philosophy),
Assistant Professor,
Philosophy Subdepartment,
Ulyanovsk State Pedagogical University

THE FUTURE AND THE ISSUE OF SOCIAL CONSTRUCTIVISM [1]

Summary:

The article deals with the issue of social constructivism in terms of our attitude to the future. The author highlights a project and a forecast as two different but yet interrelated forms of attitude to the future by a subject of the action, shows their status and role in the classical and post-classical approaches to the historical development, as well as distinguishes two forms of social constructivism – “extreme” and “moderate”.

Keywords:

social changes, social action, anticipation, forecast, project, social constructionism, philosophy of history.

Из всех форм представлений о будущем важнейшее значение – и теоретическое, и практическое – имеют две: проект и прогноз (предвидение). И в том, и в другом случае мы рисуем некоторый образ будущего. Различие кроется в прагматическом аспекте.

В рамках прогноза (предсказания, предвидения) мы как бы мысленно выводим себя за рамки развивающейся реальности и моделируем развитие событий без нашего участия. Многие исследователи в такой «невключенности» субъекта видят гарантию «объективности» наших построений. Поэтому прогноз, безусловно, правомерен в следующих ситуациях: во-первых, когда речь идет об объективных процессах, не зависящих от нашей воли и сознания; во-вторых, применительно к будущим действиям других субъектов, которые мы можем в той или иной степени предсказать, но которые мы не можем контролировать.

Проект, напротив, задает образ социальных изменений и образ будущего, существенным образом учитывающий наши планы и намерения и включающий самого субъекта в изучаемую реальность. Иными словами, необходимой и неотъемлемой частью проекта является планирование собственных действий. Проект уместен тогда, когда наши действия способны оказать существенное влияние на ход событий и когда мы можем прогнозировать и в известной степени влиять на действия других субъектов.

Однако и в обыденной жизни, и в специализированных формах деятельности проект и предвидение, планирование и прогноз тесно переплетены. По сути, вариантов здесь всего два: либо прогноз является составляющей, элементом проекта, либо, напротив, планирование собственных действий подстраивается под прогноз.

Субъект обыденного действия, особенно индивид, как правило, подстраивает свои намерения (планы) под прогноз. В данном случае прогноз – это ожидания, касающиеся действий и планов других людей; ожидаемые реакции социальных институтов и структур; предполагаемые экономические, политические и т. д. тенденции. Такая стратегия вполне рациональна, так как индивид не может контролировать макросоциальные процессы, социальные институты, а поведение окружающих людей контролируется им в незначительной степени.

В философии и науке соотношение предвидения и планирования существенным образом зависит от концептуального контекста футурологических построений.

В классической философии истории, предполагающей предзаданность исторического развития, ведущая роль отводится предвидению будущего. Представители классической историософии всегда подчеркивают объективность механизмов и направленности исторического процесса, которые мы можем познать, но не можем изменить.

Свою задачу философы видели прежде всего в том, чтобы открыть законы или основные тенденции, которые определяют направление социальной эволюции, а тем самым и социальное

будущее. Но даже открытие этих законов и тенденций не способно изменить ход истории. Поэтому единственно возможным видом проекта, согласно классическому историзму, был проект, встроенный в объективный ход истории, «помогающий» реализоваться исторической необходимости, которая, впрочем, и сама пробила бы себе дорогу. Проекты же, не вписывающиеся в основной исторический тренд, рассматриваются в марксизме как случайное и несущественное отклонение от магистрального исторического пути. Такие проекты, конечно, могут создаваться, но не имеют шансов на успех в долгосрочной исторической перспективе. Создается впечатление, что в марксизме речь идет о «естественном отборе» проектов и связанных с ними действий. Создаваться могут различные проекты, но проекты, не соответствующие законам истории, будут выбраковываться в ходе социального развития.

Аналогичные представления мы находим у представителей позитивистской философии истории XIX в.

История, по Конту, линейна и телеологична, тем более, что позитивная философия возводит «идею прогресса в истинно основной догмат человеческой мудрости» [2, с. 157], а сам «действительный прогресс» следует понимать как «беспрерывный поступательный ход к одной определенной цели» [3, с. 155]. Наиболее наглядно прогресс можно обнаружить в области идей, где якобы «все наши умозрения, как индивидуальные, так и родовые, должны неизбежно пройти последовательно через три различные теоретические стадии» [4, с. 54], а именно – теологическую, метафизическую и позитивную (научную). На основе этого «закона интеллектуальной эволюции человечества», или иначе «закона трех стадий», французский философ формулирует свою периодизацию истории, тем более что определенный, как бы мы сейчас сказали, стиль мышления, по Конту, «соответствует», находится в согласовании с общими условиями личного и социального существования.

Взгляды Огюста Конта поддержал и развил его друг и единомышленник Джон Милль. По его мнению, состояние общества, подобно состоянию живого организма, включает в себя состояние всех значимых частей и элементов. Сюда относятся все социально значимые явления данного исторического периода: состояние экономики, характер распределения в обществе богатства; классовая структура общества; духовная культура, традиции и обычаи; форма правления и, наконец, законодательство. Свою позицию Милль резюмирует следующим образом: «Состояния Общества подобны... возрастам организма; это состояние не одного или нескольких органов, но всего организма в целом» [Цит. по: 5, с. 85].

Наконец, Герберт Спенсер выдвигает концепцию универсальной эволюции. Это значит, что и процессы в неживой природе, биологические процессы и социальные явления изменяются одинаковым образом, имеют один и тот же механизм и одно и то же направление развития. Понятно, что таким направлением объявляется прогресс. Отсюда английский философ приходит к выводу, что история является естественным процессом. Развитие общества определяется не сверхъестественными факторами и не замыслами людей, а исключительно естественными и не зависящими от нас причинами. Философ поясняет, что не повеления какого-либо правителя, а естественный ход событий привел к разделению общества на мануфактуристов и рабочих и что промышленность западных стран долгое время развивалась не только без помощи законодательства, а, скорее, вопреки законодательным притеснениям [6, с. 226]. Поэтому развитие общества «представляет собой возрастание, а не искусственное произведение» [7, с. 269].

Итак, по представлениям классической философии истории, познание исторической необходимости и основанное на этом предвидение будущего является предварительным этапом и необходимым условием построения проекта, планирования собственных действий. Правда, из этого постулата различные мыслители вывели неодинаковые праксеологические следствия. Для О. Конта и Дж. Милля эта идея стала основой социального *активизма*. Люди, конечно, не могут отменить законы истории и движение общества к заранее predetermined конечному состоянию, но они могут где-то ускорить, а где-то облегчить этот процесс, опираясь на знание этих исторических законов. Для Г. Спенсера же этот постулат явился основой крайнего *консерватизма*. Он утверждал, что вмешательство людей в естественный ход событий если и дает какой-то эффект, то только отрицательный. В частности, в ряде статей он пишет о «чрезмерности законодательства» и доказывает, что, например, попытки законодательно регулировать рабочий вопрос не только осложняют деятельность предпринимателей, но и ухудшают положение самих же рабочих [8, с. 1150–1159 и сл].

Современная (постклассическая) философия истории, как, впрочем, и социальная наука, напротив, нацелена на проектирование будущего. При таком взгляде на будущее уже прогноз считается составной частью проекта, его элементом.

Будущее здесь признается, по меньшей мере, вариативным, а в ряде концепций – «открытым» и, как следствие, зависящим от деятельности людей, их планов и проектов. В ряде случаев даже говорится о возможности «управления будущим».

В последнее время разного рода теории управления приобрели небывалую популярность. Как правило, они пытаются представить процесс социального развития как процесс управления. С таких позиций любое отклонение от замысла, любая «эмерджентность» рассматривается как «вектор ошибки» и объясняется несовершенством методологии управления или погрешностями самого управляющего воздействия.

Однако в рамках постклассической модели истории управление, напротив, следует рассматривать как процесс, погруженный в историю с ее непредсказуемостью и неопределенностью и являющийся одним из моментов диалектики социальных изменений. Управление, даже успешное управление, не делает историю определенным и предсказуемым процессом, а лишь уменьшает степень ее неопределенности. Процесс исторического развития в целом реализуется посредством диалектики проективного (управляющего) и стихийно-исторического, преднамеренного и непреднамеренного моментов. Разумеется, что соотношение этих моментов и формы их взаимодействия могут меняться и действительно меняются исторически (во времени и пространстве).

Описание диалектики проективного и стихийно-исторического в процессе социальных изменений мы находим, например, в статье В.Г. Федотовой, посвященной социальным инновациям [9]. Автор указывает, что развитие капитализма в течение нескольких последних веков шло в основном «стихийно», систематически отклоняясь от человеческих планов и проектов. Более того, слово «проект», любимое нашей философской молодежью, заявляет В.Г. Федотова, в значительной степени отбрасывает вторую сторону – «своевольную природу» исторического процесса. Становление капитализма в XVI–XIX вв., возникновение рынка, наций, национальных государств, «рационального» человека и другие «эпохальные инновации», продолжает автор, никак не похожи на некие изобретенные кем-то нововведения, на проекты. Вместе с тем, догоняющая модернизация незападных стран в большей степени была сознательной и преднамеренной, хотя почти все такие попытки потерпели неудачу. В XX в. роль проективного компонента в социальном развитии возрастает. Исследователь выделяет два проекта – социализм и социал-демократический проект социального государства. Однако и в том и в другом случае «результаты мало соответствовали замыслу».

Анализ В.Г. Федотовой развития капитализма под интересующим нас углом зрения позволяет сделать некоторые обобщающие выводы. Диалектика преднамеренного и непреднамеренного в истории реализуется, если так можно выразиться, в двух «кадрах».

Первый «кадр» демонстрирует переход от преднамеренного, планируемого, проективного к непреднамеренному. Проективное мышление, управление снимается (в гегелевском смысле) эмерджентными событиями.

Выше мы уже говорили о позиции В.Г. Федотовой, согласно которой капитализм возник непреднамеренно, в результате причудливого переплетения множества независимых тенденций. Поэтому здесь мы обратимся к точке зрения М. Кастельса о ходе информационно-технологической (компьютерной) революции. В своей знаменитой книге [10] исследователь отмечает, что даже собственно технологические инновации, составляющие суть этой революции, были представлены множеством автономных тенденций и случайных совпадений. Лишь на определенном этапе, а именно в 70-е гг. XX в., мы наблюдаем известную конвергенцию этих тенденций, а иногда их непредзаданное пересечение. Более того, информационно-технологическая революция, продолжает Кастельс, осуществлялась под влиянием «различных институциональных, экономических и культурных факторов». Он особо подчеркивает, что взаимодействие между технологией и обществом зависит «от стохастических отношений между огромным количеством квазинезависимых переменных». Отсюда следует закономерный вывод: информационно-технологическая революция культурно, исторически и пространственно зависела от «очень специфического сочетания обстоятельств».

Второй «кадр», напротив, показывает движение от эмерджентного события или структуры к преднамеренному, планируемому действию. После того как новое явление возникло и его возникновение было осознано, проективное мышление, управление пытается взять реванш у «своевольной природы» исторического процесса; реванш, впрочем, ограниченный и запоздалый. Теперь мы можем попытаться целенаправленно воспроизвести подобное или даже идентичное явление, используя инновацию как образец.

В качестве примера рассмотрим возникновение и распространение мануфактурного производства. По общепринятому мнению, мануфактуры возникли в XV–XVI вв. в Западной Европе, прежде всего в Англии, и были тесно связаны с капиталистическим укладом. Их создание никто

специально не планировал, поэтому они являют собой типичный пример эмерджентности в истории. Однако после их возникновения ситуация изменилась. В ряде западных стран мы наблюдаем попытки целенаправленного, «планового» создания мануфактурного производства. Здесь можно вспомнить отечественную историю. Первые мануфактуры в нашей стране были в основном казенными предприятиями. К началу правления Петра их насчитывалось около 30. При Петре наблюдается количественный рост мануфактур, прежде всего за счет усилий государства. Растет число и частных мануфактур. Однако на многих из них используется труд приписных крестьян, что никак не может считаться наймом, характерным для «аутентичных» мануфактур в Западной Европе. Кроме того, известны случаи, когда мануфактуры передавались в частное владение едва ли не принудительно.

Здесь мы вплотную подошли к проблеме социального конструирования реальности. Согласно социальному конструктивизму, все репрезентации окружающей нас реальности (языковые, ментальные) являются социально сконструированными. Однако социальный конструктивизм имеет две формы – слабую (умеренную) и сильную (радикальную) [11].

Умеренный конструктивизм полагает, что за социально сконструированными презентациями реальности находятся вещи, не зависящие от нашего сознания и обладающие собственными закономерностями. Они, их объективные закономерности задают границу нашего возможного поведения и выступают регулятивом наших репрезентаций. Например, за социально сконструированным концептом гендера стоит такое объективное явление, как биологический пол.

Радикальный конструктивизм, напротив, утверждает, что не только наши репрезентации реальности, но и сами вещи, к которым они относятся, являются социальными конструктами. В этом случае понятие биологического пола также будет объявлено всего лишь конструкцией общественного сознания. Именно на этом убеждении зиждется такое направление, как философский постмодернизм.

Очевидно, что радикальный социальный конструктивизм не может быть принят. Человек, конечно, может выбрать любую гендерную роль, но это не отменит очевидных закономерностей биологического пола, как, например, такой, что мужчины не могут рожать.

Однако вернемся к проблеме проектирования будущего. Еще К. Маркс указал на тот фундаментальный факт, что каждое новое поколение находит «общественное бытие» уже сложившимся. Это обстоятельство, как очевидно, накладывает объективные ограничения на нашу проективную активность, задает границы диапазона возможных (реализуемых) проектов. Человеческое существование – это не просто бытие и даже не просто бытие-в-мире. Это всегда бытие-в-определенном-мире, бытие-здесь-и-сейчас. Следовательно, и в аспекте проектирования будущего мы можем убедиться в справедливости именно умеренной версии социального конструктивизма.

Ссылки и примечания:

1. Работа написана при финансовой поддержке программы стратегического развития Ульяновского государственного педагогического университета имени И.Н. Ульянова.
2. Конт О. Дух позитивной философии (Слово о позитивном мышлении). Ростов н/Д., 2003.
3. Там же.
4. Там же.
5. Полпер К.Р. Ницета историцизма. М., 1993.
6. Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские. Минск, 1999.
7. Там же.
8. Там же.
9. Федотова В.Г. Социальные инновации как основа процесса модернизации общества // Вопросы философии. 2010. № 10.
10. См.: Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
11. См. об этом, напр.: Мальцева А.П. Повседневность истины. М., 2012. С. 20.

References:

1. The article is performed with financial support of the program of strategic development of the Ulyanovsk State Pedagogical University.
2. Conte, O 2003, *Spirit positive philosophy (the Word of positive thinking)*, Rostov-on-Don.
3. Conte, O 2003, *Spirit positive philosophy (the Word of positive thinking)*, Rostov-on-Don.
4. Conte, O 2003, *Spirit positive philosophy (the Word of positive thinking)*, Rostov-on-Don.
5. Popper, KR 1993, *Poverty of Historicism*, Moscow.
6. Spencer, G 1999, *Experience in scientific, political and philosophical*, Minsk.
7. Spencer, G 1999, *Experience in scientific, political and philosophical*, Minsk.
8. Spencer, G 1999, *Experience in scientific, political and philosophical*, Minsk.
9. Fedotov, VG 2010, 'Social innovation as the basis of the process of modernization of society', *Problems of Philosophy*, no. 10.
10. See Castells, M 2000, *Information Age: Economy, Society and Culture*, Moscow.
11. See about this, i.e.: Maltseva, AP 2012, *Daily life of truth*, Moscow, p. 20.